

Пантелеева Татьяна Леонидовна

кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории и философии
Национального исследовательского
Московского государственного
строительного университета

О РОЛИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ В ДЕЛЕ Е. Ф. АЗЕФА

Аннотация:

Предметом исследования является газетная кампания 1909 года, в которой участвовали ведущие европейские и российские издания в связи с разоблачением Е. Ф. Азефа. Сенсационные сведения о том, что глава Боевой организации партии социалистов-революционеров, ответственный за серию террористических актов, оказался агентом русской политической полиции, стали информационным поводом для острой критики внутренней политики России. Цель данной работы – на конкретном историческом материале рассмотреть характер взаимодействия прессы и властных структур по острому вопросу, затрагивающему не только внутреннюю политику государства, но и международные отношения. В качестве источников использованы материалы прессы, архивные документы и мемуары. Методологической основой работы являются принципы историзма, объективности, опоры на источники и проблемный подход. В результате проведенного исследования сделан вывод о том, что в информационной кампании по делу Азефа особую роль сыграла европейская пресса. Широкое освещение дела Азефа в печати заставило российское правительство принимать меры для нейтрализации негативных публикаций, однако практические мероприятия в большей степени были направлены на защиту ведомственных интересов, нежели на всестороннее расследование громкого политического дела.

Ключевые слова:

периодическая печать, газета, цензура, полиция, террор, Боевая организация, партия социалистов революционеров, провокация, Е. Ф. Азеф, В. Л. Бурцев, А. А. Лопухин, П. А. Столыпин.

Panteleyeva Tatyana Leonidovna

PhD in History, Associate Professor,
History and Philosophy Department,
National Research Moscow State University
of Civil Engineering

ON THE ROLE OF THE EUROPEAN PERIODICALS IN THE CASE OF YE. F. AZEF

Summary:

The subject of the study is a newspaper campaign in 1909, when leading European and Russian publications discussed the exposure of Ye. F. Azef, the head of the Socialist-revolutionary's Combat Organization, responsible for a series of terrorist attacks. Sensational news that Azef at the same time was an agent of the Russian political police became an informational occasion for sharp criticism of Russia's domestic policy. The purpose of this work is to examine the ways of interaction between the press and government structures on an acute issue that affects not only the internal policy of the state, but also international relations. Press materials, archival documents and memoirs were used as sources. The methodological basis of the work is the principles of historicism, objectivity, reliance on sources and a problem-based approach. The study concluded that the European press played a leading role in the information campaign on the Azef case. The Russian government had to neutralize negative publications, but practical measures were primarily aimed at protecting departmental interests than at a comprehensive investigation of a high-profile political case.

Keywords:

periodical press, newspaper, censorship, police, terror, Combat Organization, party of socialist revolutionaries, provocation, Ye. F. Azef, V. L. Burtsev, A. A. Lopukhin, P. A. Stolypin.

Изучение средств массовой информации на разных этапах развития общества – одно из актуальных исследовательских направлений. Взаимоотношения прессы с властными структурами, отражение и формирование общественного мнения, презентация интересов различных социальных групп – эти и другие вопросы, касающиеся функционирования средств массовой коммуникации, давно и плодотворно изучают, что нашло отражение в создании обобщающих и учебных работ по истории отечественной и зарубежной журналистики [1]. Однако тематика и проблематика исторических исследований далеко не исчерпана. В последние годы все больше внимания стали уделять формированию образа России в иностранной прессе, но работ по истории до 1917 года немного, и они в основном посвящены формированию образа союзника или противника во время военных конфликтов [2]. Оценка внутренней политики России в иностранной прессе также во многом зависела от международной повестки. Интересный материал на эту тему приведен в работе Е. В. Низаловой об информационном сопровождении заграничных поездок императора Николая II [3]. Огромный фактический материал еще ждет своего изучения и среди вопросов, заслуживающих предметного обсуждения: насколько важен был взгляд из-за границы для

русского правительства и русского общества, можно ли говорить о влиянии иностранной прессы на политические процессы в России.

В начале XX века значение периодических изданий возрастало. Свидетельством того, что русское правительство стало более внимательно относиться к информации, попадавшей на страницы газет и журналов, можно считать создание в 1906 г. Осведомительного бюро при Главном управлении печати, в функции которого входило не только изучение материалов прессы, но и представление официальной точки зрения на происходившие события [4]. Для российских изданий, таким образом, устанавливались границы, выйдя за которые, можно было получить цензурные взыскания. Иностранная пресса (особенно французская) не была связана жесткими требованиями цензуры и, во всяком случае, критика России не являлась поводом для наказания, поэтому европейские периодические издания обсуждали русские дела достаточно свободно, руководствуясь собственными политическими пристрастиями. В данной статье рассмотрена газетная кампания по делу Е.Ф. Азефа, развернувшаяся в начале 1909 года. Разоблачение полицейского агента стало настоящей сенсацией. Это был тот случай, когда новости о России приходили из-за границы. Характер информации, способы ее подачи, использование иностранной периодики в качестве источника сведений и средства политического давления – по всем этим вопросам дело Азефа дает богатый материал для изучения. В статье особое внимание уделено публикациям французской прессы, поскольку именно в Париже оказались важнейшие свидетели и наиболее активные распространители информации о беспрецедентной провокации в российской политической полиции.

Описание жизни и деяний Е.Ф. Азефа имеет большую литературную традицию [5]. Некоторые важные обстоятельства его разоблачения необходимо напомнить для того, чтобы были понятны обстоятельства, при которых началась информационная атака на русское правительство. 7 января 1909 года (26 декабря 1908 года по старому стилю [6]) Центральный комитет партии социалистов-революционеров (ПСР, эсеры) официально объявил, что член ЦК и Боевой организации Е.Ф. Азеф уличен в связях с политической полицией и объявляется провокатором. Этому событию предшествовало несколько месяцев партийного следствия, во время которого руководство ПСР всеми силами старалось защитить Азефа как выдающегося революционера и ценного практического деятеля. Несмотря на то, что к середине 1908 г. накопилась масса свидетельств против Азефа, причем они поступали по разным каналам от лиц, никак не связанных друг с другом, лидеры эсеров видели свою задачу исключительно в том, чтобы прекратить распространение слухов, и с этой целью устроили в Париже партийный суд над одним из самых упорных обвинителей Азефа – Владимиром Львовичем Бурцевым. Не принадлежа ни к каким партиям, он был своим человеком в среде русской политической эмиграции благодаря репутации «народовольца», историка революционного движения и яростного противника самодержавия. В октябре 1908 года Бурцев представил суду целую систему доказательств, но наиболее сильное впечатление на суперарбитров (П.А. Кропоткин, Г.А. Лопатин, В.Н. Фигнер) и на участвовавших в процессе эсеров произвело сообщение о том, что факт службы Азефа в полиции подтвердил бывший директор Департамента полиции Алексей Александрович Лопухин [7, с. 193–215]. В ходе проверки этих сведений представители ПСР получили не только устные показания Лопухина, но и копию его письма П.А. Столыпину (от 21.11.1908) с описанием визита Азефа, во время которого полицейский агент просил не выдавать его революционерам (Лопухин и Столыпин учились в Орловской гимназии, были на «ты»). Стоит отметить, что эти доказательства убедили не всех эсеровских лидеров, и только бегство обвиняемого поставило точку в партийном следствии [8, с. 309–361]. Дело велось конспиративно и только после того, как в ПСР Азефа признали предателем, история его разоблачения была предана огласке.

В Парижском бюро Заграничной агентуры Департамента полиции началом «газетной полемики» считали статью «Террорист и полицейский», опубликованную 15 (2) января 1909 г. в «Журналь» (одна из самых массовых французских газет) [9]. Статья была помещена как письмо из Петербурга, однако приведенные там сведения, безусловно, отсылали к итогам партийного эсеровского суда. Сообщалось, что Азеф, будучи секретным сотрудником полиции, руководил подготовкой всех самых серьезных террористических актов в России, среди которых убийства министра внутренних дел В.К. Плеве (15.07.1904) и великого князя Сергея Александровича (04.02.1905). В статье была отмечена настойчивость Бурцева, благодаря чему удалось раскрыть полицейского агента, а также анонсировался сенсационный запрос в Государственной Думе в связи с разоблачением Азефа [10]. С 16 (3) января материалы под рубрикой «Русский полицейский скандал» регулярно появлялись на первой странице газеты французских социалистов «Юманите». Автором большинства статей на эту тему был Ж. Лонге, а важнейшим источником информации — «гражданин Бурцев», который утверждал, что Азеф готовил террористические акты по заданию и под руководством полиции (конкретно П.И. Рачковского), а выбор жертвы определялся внутренней борьбой в русском правительстве [11]. Эту идею Бурцев высказывал еще во время эсеровского суда [12],

теперь у него появилась возможность выступить перед широкой публикой. Эсеры решительно протестовали против такой трактовки событий, настаивали на том, что их Боевая организация вела идейную борьбу, сообщали газетчикам дополнительные сведения о роли Азефа в партии [13]. Позже Бурцев отказался от своих обвинений в адрес Рачковского (обвинений несправедливых), но в начале 1909 года «центральная провокация» трактовалась им именно как преступление в высших правительственных сферах. Бурцев выступал открыто, его имя стало широко известно. Были и другие источники информации, предпочитавшие анонимность. В начале 1909 г. переговоры с французскими изданиями от имени Бурцева вел присяжный поверенный А.Ф. Стааль, который отмечал, что «неизвестные друзья» дают в крупные иностранные газеты отрывочные и не всегда точные сведения, но это даже хорошо, т. к. тем самым они втягивают прессу в обсуждение дела Азефа [14]. На страницах газет история о революционно-полицейском терроре стала обрастать скандальными, фантастическими подробностями.

Важную роль в политической кампании сыграла публикация письма Лопухина Столыпину одновременно в «Юманите» [15] и в «Таймс» [16]. Тот факт, что такие разные издания поместили этот материал в один день (20 (7) января 1909 г.), позволяет предположить координацию действий со стороны русских эмигрантов и журналистов, живущих в разных странах и, вероятно всего, дата зависела от того, когда статья пойдет в «Таймс». Российские власти могли игнорировать публикации в социалистической прессе как недостоверные слухи или клевету. Статьи в крупных европейских изданиях заставили обратить внимание на газетную кампанию. 21 (8) января 1909 г. Осведомительное бюро при Главном управлении по делам печати МВД Российской империи объявило, что сведения о причастности русских агентов к организации террористических актов являются вымыслом. Несколько русских газет, поместивших 19 (6) – 20 (7) января краткую информацию о деле Азефа в обзоре иностранной прессы, были оштрафованы [17]. После этого периодические издания в России более двух недель хранили молчание, а в иностранной прессе еще активнее стали обсуждать дело Азефа. Газета «Матэн» в нескольких номерах поместила материалы, полученные от эсеров [18], в «Журналь» подробно рассказали о карьере террориста-и-полицейского и опубликовали большое интервью с Бурцевым, где он в очередной раз развивал свою идею о сознательной провокации со стороны высших чинов российской полиции [19]. Английская, немецкая, австрийская пресса не осталась в стороне от полицейского скандала. Сотрудники Заграничной агентуры каждый день отправляли в Петербург вырезки из европейских газет и признавали, что сенсационные статьи по делу Азефа наносят ущерб государственным интересам и престижу российской власти. Для нейтрализации разоблачительных материалов предлагалось дать в печати информацию о неблагоприятной и преступной деятельности Лопухина, Бурцева и других разоблачителей [20]. В России также говорили о необходимости ответить на выступления иностранной прессы. Публицисты либерального «Слова», несмотря на полученное предупреждение и штраф, потребовали провести официальное расследование, поскольку тяжкие обвинения в адрес русской полиции обошли всю европейскую печать [21].

В сложившейся ситуации замолчать дело Азефа уже не представлялось возможным, более того, отсутствие подробного правительственного сообщения порождало новые обвинения в адрес российских властей. Информационное давление европейской печати и подготовка запроса в Государственной Думе заставили руководство МВД принять важное решение: 18 (31) января 1909 г. в Петербурге арестовали А.А. Лопухина. Его обвинили в передаче служебной информации революционерам, в результате чего был раскрыт ценный секретный сотрудник полиции. За день до этого события в парижской газете «Фигаро» сообщили о грядущих арестах, а затем в той же газете опубликовали письмо из Петербурга, в котором деятельность Лопухина после его отставки с поста Директора Департамента полиции была представлена как череда интриг и недобросовестных выступлений против бывших сослуживцев [22]. Таким образом, через французскую прессу представляли свои взгляды как критики, так и защитники русской политической полиции.

В России только после ареста Лопухина печать получила возможность публиковать материалы о деле Азефа без угрозы цензурных взысканий. Своеобразным сигналом послужило выступление «Нового времени», где появился подробный отчет о многочасовом обыске в доме Лопухина, предъявленных ему обвинениях и большая по объему сводка «Иностранная печать о деле Азефа» [23]. На следующий день все русские газеты перепечатали эту статью. «Новое время» считалось проправительственной газетой, точка зрения ее публицистов рассматривалась как официоз, их оценки во многом задали тон комментариям в русской прессе: Азеф – ловкий аферист, разоблачение Азефа – это удар по революционерам, а не по правительству [24]. Однако некоторые издания начали публиковать материал о провокационной деятельности полиции, раскрытой в разное время и в разных местах Российской империи, и снова цензура попыталась поставить заслон для такого рода информации [25].

Арест Лопухина вызвал новую волну публикаций в иностранной прессе, несколько дней статьи на эту тему появлялись на первых страницах ведущих европейских газет. Даже весьма умеренные издания предоставили слово русским революционным и оппозиционным деятелям. Газета «Тамп», в целом благожелательно настроенная по отношению к России как к стратегическому союзнику Франции, опубликовала интервью с Бурцевым [26]. В «Матэн» поместили серию статей бывшего чиновника Варшавского охранного отделения М.Е. Бакая под общим названием «Изнанка русской полиции» [27]. Бакай активно помогал Бурцеву в разоблачительной кампании, его воспоминания о работе в охранке были посвящены исключительно разнообразным нарушениям законов со стороны полицейских чинов. Безусловно, массовые европейские газеты обращались к делу Азефа, руководствуясь собственными интересами. Как вспоминал Бурцев, редактор «Матэн» С. Соервен однажды так сформулировал принципиальные основы совместной работы: «Мы самым широчайшим образом откроем страницы своего издания вам. Но будемте откровенны. Вам что нужно? Вам прежде всего нужно: революция, революция, революция... борьба с вашим правительством. А нам интересно “Матэн”, “Матэн”, “Матэн”...» [28]. Детективные истории из жизни русских революционеров и политические скандалы хорошо продавались, этого было достаточно для того, чтобы изо дня в день возвращаться к большой для русского правительства теме, пока не иссякнет читательский интерес.

Поскольку в центре внимания прессы оказалась деятельность политической полиции, руководство МВД в лице П.А. Столыпина вынуждено было искать такой ответ на разоблачительную кампанию, который позволял «закрыть вопрос» хотя бы формально, и не допустить открытого расследования агентурной работы, которая всегда и во всех странах относится к числу наиболее охраняемых государственных секретов. Сразу после ареста Лопухина на заседании Совета министров Столыпин говорил о необходимости внутреннего расследования дела Азефа и допускал наказание виновных. Официальная позиция состояла в том, что правительство, безусловно, осуждает участие секретных агентов в революционной деятельности, считает такую практику провокацией и активно борется с ней [29]. Это утверждение опровергали многочисленные публикации в печати о центральной роли Азефа в боевой и организационной работе ПСР.

Почти месяц правительство готовило ответ на запрос в Государственной Думе, и характер этого ответа в значительной степени был определен газетной кампанией. П.А. Столыпину пришлось взять под свою защиту Азефа и его непосредственных руководителей. Все свидетельства революционеров, появившиеся в печати, объявлялись вымыслом, вся причудливая биография секретного сотрудника – добросовестной службой. Политические обозреватели сразу отметили противоречия в официальной трактовке событий [30]. Но тактические задачи были решены: большинство Думы проголосовало за доверие правительству, идею парламентского расследования отвергли, и все лояльные по отношению к русскому правительству силы (в том числе в иностранных средствах массовой информации) получили ясные указания, как описывать и оценивать дело Азефа. После яркого выступления Столыпина в Государственной Думе 11 (24) февраля 1909 года газетная кампания пошла на спад. Официальная линия поведения свелась к защите ведомственных интересов, стремлению замазать скандал и не допустить всестороннего расследования дела.

В освещении дела Азефа ключевую роль сыграла иностранная пресса. Цензура ограничивала возможности российской печати, поэтому важные сведения, в которых были заинтересованы различные политические силы, передавали через заграничные средства массовой информации. Меры, принятые Российским императорским правительством в ответ на газетную кампанию, не затрагивали принципиальные основы внутренней политики, не меняли характер работы политической полиции. Они были призваны нейтрализовать критику в печати по одному конкретному вопросу.

Ссылки:

1. Есин Б.И. История русской журналистики. М., 2000. 100 с. ; Симонова Н.Б. Система периодической печати России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Новосибирск, 2009. 131 с. ; Аникеев В.Е. История французской прессы (1830–1945). М., 1999. 55 с. ; Соколов В.С., Виноградова С.М. Периодическая печать Великобритании. СПб., 2000. 109 с. ; Вороненкова Г.Ф., Чесанов А.А. Периодическая печать Германии. СПб., 2001. 217 с.
2. Адамов Д.П. Образ союзника: Россия глазами британской общественности в годы Первой мировой войны // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2014. № 1 (42). С. 53–58 ; Промыслов Н.В., Митрофанов А.А., Прусская Е.А. Россия во французской прессе эпохи революции и Наполеоновских войн // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. М., 2015. № 2 (79). С. 102–112 ; Манахова А.В. Некоторые особенности освещения русско-турецкой войны 1877–78 гг. в прессе Великобритании // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. М., 2019. № 3. С. 163–180. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.3.2019.163180> ; Агапов В.Л. Первая мировая война и печать. Часть 1: Опыт Англии, Германии, Франции и Европейской России // Известия Восточного института. Владивосток, 2019. № 1 (41). С. 6–20. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2019-1/6-20> ; Агапов В.Л. Первая мировая война и печать. Часть 2: Дальневосточная пресса 1914–1916 гг. о причинах, характере и целях войны // Известия Восточного института. Владивосток, 2019. № 2 (42). С. 6–29. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2019-2/6-29>.
3. Низалова Е.В. Конец династической дипломатии России: заграничные поездки императора Николая II в 1896–1909 гг.: по материалам российской и европейской прессы : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007. 23 с.

4. Кельнер В.Е. Создание и деятельность Осведомительного бюро при Главном управлении по делам печати: 1906–1917 гг. // Цензура в России: история и современность: Сборник научных трудов. Вып. 5. СПб., 2011. С. 237–243; Гутнов Д.А. Из истории взаимодействия государства и периодической печати в России: Осведомительное бюро при Главном управлении по делам печати МВД Российской Империи // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. М., 2015. № 4. С. 16–25.
5. Лонге Ж., Зильбер Г. Террористы и охранка. М., 1924. 215 с.; Провокатор: Воспоминания, документы о разоблачении Азефа. Л., 1929. 348 с.; Николаевский Б.И. История одного предателя: Террористы и полит. полиция. Берлин, 1932. 372 с.; Прайсман Л.Г. Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. М., 2001. 429 с.; Гейфман А. В сетях террора: Дело Азефа и первая рус. революция. М., 2002. 255 с.; Шубинский В.И. Азеф. М., 2016. 350 с.
6. Основные даты в статье даны по-новому и старому стилю; в источниках иностранная периодика датируется по новому стилю, официальные документы российского делопроизводства – по старому; некоторые русские газеты давали двойную датировку: по новому и старому стилю.
7. Бурцев В.Л. Борьба за свободную Россию. СПб., 2012. 488 с.
8. Савинков Б.В. Воспоминания террориста. Л., 1990. 432 с.
9. ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 1. К. 197. П. 1А (донесение от 2/15 янв. 1909 г.).
10. Terroriste et policier // Le Journal. 1909. 15 jan. (№ 5955). P. 4.
11. Longuet J. Extraordinaire Scandale Policier // L'Humanité. 1909. 16 jan. (№ 1734). P. 1; Idem. Le véritable role d'Azev // L'Humanité. 1909. 24 jan. (№ 1742). P. 1–2; Idem. Les Crimes de l'Agent provocateur // L'Humanité. 1909. 27 jan. (№ 1745). P. 1.
12. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1909. Д. 155. Часть 3. Л. 88–89 об.
13. L'Affaire Azev. Le comite central du Parti Socialiste Revolutionnaire repond au citoyen Bourtsev // L'Humanité. 1909. 26 jan. (№ 1744). P. 1.
14. ГАРФ. Ф. Р-5802. Оп. 2. Д. 785. Л. 15.
15. Longuet J. Comment fu t découvert Azev // L'Humanité. 1909. 20 jan. (№ 1738). P. 1.
16. The Russian Revolutionaries. Career of the Police Spy Azeff // The Times. 1909. 20 jan. P. 5.
17. Оштрафовано 6 газет // Речь. 1909. 9 (22) янв. (№ 8). С. 3.
18. Un l'homme va-t-il être assassiné? // Le Matin. 1909. 23 jan. (№ 9097). P. 1; Azeff le Traître sera-t-il Assassiné? // Le Matin. 1909. 25 jan. (№ 9099).
19. L'Homme aux deux Visages. Comment la police russe déjoue les terroristes // Le Journal. 1909. 21 jan. (№ 5961). P. 1; Nos revelation sur Azeff. Chez les oiseaux de passage // Le Journal. 1909. 24 jan. (№ 5964). P. 2.
20. ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 1. К. 197. П. 1А. Исходящая переписка. 1909.
21. [От редакции] // Слово. 1909. 10 (23) янв. (№ 674). С. 1.
22. La police russe // Le Figaro. 1909. 30 janvier. P. 3; L'Affaire Lopoukhine // Le Figaro. 1909. 3 fevrier. P. 2–3.
23. Вечерняя хроника. Иностранная печать о деле Азефа // Новое время. 1909. 19 янв. (1 фев.) (№ 11 802). С. 2.
24. Меньшиков М. Гешефт и бунт // Новое время. 1909. 20 янв. (2 фев.) (№ 11 803). С. 4.
25. [Передовая статья]. Цели и средства // Слово. 1909. 20 января (2 фев.) (№ 684). С. 1; К делу Лопухина // Слово. 1909. 21 января (3 февраля) (№ 685). С. 5.
26. Delines M. L'affaire Lopoukhine–Azev. Une conversation avec M. Bourtzef // Le Temps. 1909. 6 févr. (№ 17 391). P. 1–2.
27. Vakaï M. Les dessous de la police russe // Le Matin. 1909. 13–23 févr. (№ 9118–9128).
28. ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 17. К. 2. П. 14.
29. [Передовая статья] // Слово. 1909. 24 янв. (6 фев.) (№ 688). С. 1.
30. Дело Азефа в Государственной Думе // Русское слово. 1909. 13 (26) фев. (№35). С. 3.

Редактор: Шейхетова Ирина Александровна
Переводчик: Бирюкова Полина Сергеевна